

РОМАН КОЗАК:

Не люблю шашкой махать

Культура. 2005. 27 янв. - 2 февр. - с. 11

В течение ближайшего месяца Роман КОЗАК, художественный руководитель Театра имени Пушкина, предложит столичной публике сразу два премьерных спектакля. Один из них — “Джан” по одноименной повести Андрея Платонова — состоится 27 января на сцене филиала театра. Второму спектаклю — “Косметика врага” бельгийской писательницы Амели Нотомб — отдана Большая сцена основного здания, несмотря на то что в нем будут заняты всего два актера: сам Козак и Константин Райкин.

— Роман Ефимович, проза Андрея Платонова — достаточно серьезный и сложный для театра материал. Насколько мне известно, в Москве сегодня нет ни одного спектакля по его произведениям. Почему вы рискнули обратиться к Платонову?

— Я очень давно хотел это сделать, еще со времен работы в Театре-студии “Человек”. Вообще очень люблю Платонова, когда-то достаточно глубоко его изучал. Сейчас, очевидно, настало время сделать спектакль по такому насыщенному горячими образами материалу. Причем сыграть его в малом пространстве, где само платоновское слово — уже вспышка, образ — ошеломление. Как-то мне перестало хватать в театре этого ошеломления. Нынешний театр больше развлекает, усаждает. Это неплохо, и сам я иногда люблю подобные вещи, но хочется сделать и другое.

Поскольку это произведение Платонова насыщено эротизмом, библейскими мотивами, элементами триллера, то там образы очень пластичные. Поэтому для меня очень важно сотрудничество с Аллой Сигаловой, хореографическим автором этого спектакля.

— Она же появится и на сцене?

— Да, Сигалова воплощает в “Джане” одну из линий действия.

— Алла Сигалова до этого не играла драматических ролей?

— Нет. Но и это не чисто драматическая роль. Это пластическое начало тех природных сил, с которыми приходится встречаться главному герою. Вот посмотрите спектакль и поймете, о чем я вам говорю.

— Платонов — автор не массовый. Его творчество, что называется, на любителя. Не опасаетесь ли вы некассовости этого спектакля?

— В отношении филиала театра я подобные опасения вообще не учитываю, клянусь вам. В работу берется пьеса Равенhillла, или Вуди Алле-

на, или вообще никому не известного хорватского драматурга М. Матишича. Тут зритель должен как-то отобраться, потому что это все действительно не для массовой публики, а для любителей. Хотя, конечно, хотелось бы, чтобы подобные спектакли нормально воспринимались и были доступны любому человеку.

— Многие зрители были озадачены тем, что из репертуара Пушкинского театра исчезли два самых кассовых спектакля — “Академия смеха” и “Трое на качелях”. Что произошло?

— Я не делаю из этого тайны. Хочу только пояснить, что эти спектакли я не закрыл, а приостановил их прокат. Артист Андрей Панин очень сильно подвел театр. Он — мой давний приятель, мы сделали вместе не один спектакль. Но в данном случае Панин поступил по отношению к театру не очень профессионально, что повлекло за собой отмену двух стопроцентно проданных спектаклей “Трое на качелях”. Проще говоря, он был в таком состоянии, в каком артиста нельзя выпускать на сцену. Поступить иначе я не мог, ведь я руковожу театром, в котором очень много людей. Если будет позволено одному, то и другие могут последовать этому примеру.

Думаю, в конце сезона мы введем исполнителя на роль Панина в спектакль “Трое на качелях”. Что же касается “Академии смеха”, мне очень жаль, но я этот ребус решить не могу. Тут есть момент актерской незаменимости.

— Февральская премьера “Косметика врага” отчасти заполнит освободившуюся нишу коммерческого зрелища?

— Вы знаете, я с большой осторожностью отношусь к этому словосочетанию — “коммерческий спектакль”. — Но ведь двум актерам на большой сцене без глядки на подобный подход трудно удержать зрительское внимание.

Р. Козак

— Когда как. “Варшавская мелодия” или “Старомодная комедия” — тоже спектакли на двоих. И у Фауста с Мефистофелем получается дуэт. Просто нам с Константином Райкиным показалось, что в этой пьесе такой энергетический заряд, какой можно запустить в большой зал. Я не буду сейчас раскрывать всех сюжетных тайн. Но фокус этой истории в том, что она позволяет выйти на сцену не просто двум актерам, а двум руководителям театров.

— Это принципиально?

— Да. Очень важно то, что эти два человека находятся в одинаковом положении. Когда я прочел этот текст, у меня сразу мелькнула мысль о таком хулиганском распределении ролей. Просто так я бы никогда не стал играть в своем спектакле. К тому же мы пригласили вторым режиссером и нашим “третьим глазом” Аллу Покровскую, мою учительницу. Она отслеживает все режиссерско-актерские решения и нас блюдет, что называется, в рамках. И еще любопытно, что “Косметика врага” появит-

ся в афише сразу двух театров: Пушкинского и Сатирикона. И идти будет поочередно на двух сценах.

— Подобно своим молодым коллегам, вы тоже умудряетесь одновременно работать над разными спектаклями?

— Да я не только это делаю. Я еще в это время готовил экзамен по мастерству на своем курсе в Школе-студии МХАТа, сделал со студентами несколько отрывков. Приходится четко делить свой день. Но я уже давно существую в подобном режиме.

— Вам как режиссеру, актеру и худруку знакомы обе модели современного театра — репертуарная и антрепризная. На ваш взгляд, некая театральная реформа нужна в принципе?

— Безусловно, нужна. Мы ведь с точки зрения законодательства существуем в каменном веке. Все бюджетные организации, в том числе и театры, работают еще по молодцовскому КЗОТу 1947 года. Естественно, многое уже тормозит процесс нашей жизни, ее надо освободить. Но как? Какими способами?

— Это и есть ключевой вопрос.

— Ужас театралных людей, тайком прочитавших проект тех реформ, что готовятся, можно понять. Готовилось же (я надеюсь, что уже можно говорить об этом в прошедшем времени) совершенно противоположное тому, о чем мы думали, когда обсуждали, к примеру, закон о театре. Возьмите хотя бы казначейство, куда мы должны все небюджетные счета слить и оставить один бюджетный. Это как раз и говорит о том, что театр придет конец.

Но я так понимаю, что поднятая нами волна не осталась незамеченной. Может быть, чиновники наконец-то перезвонились из кабинета в кабинет, а то ведь правая рука не знала, что делает левая, абсолютно.

— Антрепризная прививка репертуарному театру сделана уже давно. Ведь и в вашем театре есть спектакли, играемые актерами со стороны.

— Нет. Давайте сначала определимся, что такое антреприза. Это независимый проект, который создается на независимой площадке независимым продюсером, собирающим актеров из разных мест. А, допустим, наша “Академия смеха” — это другое: репертуарный спектакль с участием приглашенных актеров, с которыми театр заключил договор. Эти же артисты играют у нас и в других спектаклях, то есть они относятся к кругу Театра имени Пушкина. Я вообще считаю, что наличие трудовой книжки в отделе кадров еще не является фактом того, что ты — основной артист театра. Чем-то другим это надо заслужить. Время изменилось, нужно использовать разные способы и модели сотрудничества с актерами. Я не исключаю, что у нас, помимо штатных актеров, могут быть разовики, договорники. Но они должны входить в круг театра.

— Огромные штатные труппы — это вообще больной вопрос для худруков.

— На самом деле нужна определенная группа людей, которые хотят и умеют работать. Вот ее я бы и назвал труппой театра.

— Но это, как водится, человек 15 из 50. Что делать с остальными?

— Попробовать и с ними поработать. Я, кстати, не исключаю, что результаты могут оказаться не такими

предсказуемыми, как кажется на первый взгляд. Я вот скоро начну работать над “Самоубийцей” Эрдмана, где в двух составах занята почти вся труппа. Найдены пьесы и для остальных. При этом есть несколько артистов, которые сами не хотят выходить на сцену, потому что понимают, что потеряли и форму, и желание работать. С ними легко можно было бы расстаться. Например, был у нас артист Александр Песков. Наверное, сериалы так замутили его сознание, что он не захотел работать на сцене и добровольно ушел из театра. Я думаю, что все должно разрешаться таким вот естественным путем, а не кровопролитием. Я — противник шашкомахания.

— Но это не всегда получается.

— Не всегда. Я согласен, это самый трудный путь. Но выгонять кого-то у меня права нет. В первую очередь юридического.

— А хотелось бы перейти, наконец, на контрактную систему?

— Понимаете, контрактная система — это палка о двух концах. Она возможна в другом государстве, наше до этого еще не созрело. Если есть система социальных тылов, то уместны и контракты. Но ее нет пока. Нужно создать сначала определенный противовес контрактной системе, тогда она станет просто манной небесной для худруков.

— Пока же вы ждете, что предложат сверху?

— А что остается делать? Вы говорите с человеком, который не вхож в кабинеты Кудрина или Грефа. У меня есть только репетиционный зал, где я могу что-то кому-то доказывать.

— Просто в упрещающих шагах наших театральных деятелей было много правильных и красивых слов, но мало практических советов.

— А нас пока не очень-то и спрашивают. И действительно создается ощущение, что все творящиеся нововведения сочиняются в тиши загородных дач, на компьютерах аналитиков, вернувшихся из Оксфордов и Кембриджей. Но если со мной решат посоветоваться, я с удовольствием отвечу на все практические вопросы.

Беседу вел
Ирина АЛПАТОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ